

О. И. Ханкевич

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ И ИНСТИТУТОВ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Рассматривается период развития предклассического римского права, когда происходило оформление правового статуса членов республиканской общины-государства (*civitas*), были выработаны основные институты, нормы и принципы *ius privatum*, положенные в основу гражданско-правовых уложений европейских стран эпохи Средних веков и Нового времени.

The article is devoted to a period of pre-Classical development of the Roman law when a legal status of the competent members of the republican community (*civitas*) was being formed. This period was also noted by the testing of the main institutions, norms and principles of *ius privatum* which later formed the basis of the legal codes of European nations in the Middle Ages and Modern period.

Ключевые слова: частное право; гражданское право; предклассическое римское право; гражданин; правовой статус; республиканская община-государство.

Key words: private law; civil law; pre-Classical Roman law; citizen; legal status; republican community.

Римское право – комплексная историко-правовая дисциплина, включающая три главных компонента: позитивное право древнеримского государства, особую систему юридического образования и науку права – юриспруденцию. Позитивное право древнеримского государства зафиксировало социально значимые формы взаимодействия этого народа, выработало нормативную базу и юридические институты для регулирования как общественной, так и частной жизни римлян. Именно римские юристы первыми разделили правовую систему на право публичное (*ius publicum* – букв. «народное право») и частное право (*ius privatum*), выработали политико-правовые категории гражданин (*civis*) и народ (*populus Romanus*), обосновали идею народного суверенитета. Традиция суверенитета *populus Romanus* берет начало от предписания Законов XII таблиц (таблица 12, 5) о том, что любое решение народа имеет силу закона [1]. Голосуя в избирательных *комициях* (латинское название собрания граждан), народ устанавливал власть, а утверждая законы, он выступал в качестве источника права. И в греческом *полисе*, и в римской *цивитас* преобладали характерные для общинных структур древности горизонтальные связи равенства и личного участия в управлении, т. е. это было сообщество «своих» – сограждан, соплеменников, сородичей, выступавшее

в качестве суверенного и правомочного в своих решениях коллектива. Члены такого сообщества равных впервые в мировой истории стали именоваться гражданами (греч. *polites*, лат. *cives*), хотя нередко античные авторы используют применительно к полноправным гражданам и собирательное понятие «народ» (греч. *laos, demos*, лат. *populus, plebs*). Законодательный запрет порабощения сограждан, а также тот факт, что народ-граждане не был отделен от политики, и является, на наш взгляд, главной особенностью античной демократии. С учетом политико-правовых и социальных реалий Древнего Рима латинскую конструкцию «публичное право» более правильно переводить как «народное право».

Согласно Дигестам Юстиниана публичное право обращено к положению римского государства, частное – к пользе граждан, ибо существует *полезное* (курсив наш. – *О. Х.*) как в общественных отношениях, так и в частных (I, 1, 2). Заметим, что границы между публичным и частным правом не были в римском государстве однозначно определены, они постоянно менялись: происходило заимствование публичных норм и понятий в частноправовую систему и наоборот. Помимо указанного различия по предмету регулирования имело место и различие методов правовой координации. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от императивных норм публичного права гражданские права в подавляющем своем объеме суть только права, а не обязанности. Субъекты, которым они принадлежат, вольны ими пользоваться или не пользоваться. Неосуществление частных прав не составляет правонарушения. Далее, если для *ius publicum* характерны общеобязательные и повелительные методы осуществления его предписаний, то в частном праве преобладают дозволительные и диспозитивные нормы. Это означает, во-первых, что субъектам частного права предоставляется возможность действовать своей волей и в своем интересе в соответствии с принципами «Разрешено все, что прямо не запрещено» и «Кто пользуется своим правом, никому не вредит». Во-вторых, участники гражданских правоотношений сами определяют характер и объем возникающих друг перед другом прав и обязанностей. В-третьих, любое частноправовое отношение является условно-обязательным: оно может возникнуть в результате деятельности частных лиц, а может и не возникнуть. Центральное и автономное положение участников гражданских правоотношений воплощалось и в их праве на самостоятельное установление процесса, сбор доказательств и ведение защиты своих интересов в суде. Указанные различия и были положены римскими юристами в основу той отраслевой специализации, которая стала общепринятой и в современной системе права с ее разделением на государственное и частное право.

Позитивное право Древнего Рима отмерло вместе с распадом его государственности (476 г. н. э. – падение Западной Римской империи), тем не

менее выработанные греками и римлянами демократические институты, как и сама идея демократии, возрождаются в разных странах с неизменным постоянством. Наиболее разработанной отраслью римского права является его частноправовая система, институты, нормы и принципы которой, воплощенные в четком категориальном и понятийном аппарате, и легли в основу гражданско-правовых уложений ряда европейских стран периода Средневековья и Нового времени. *Рецепция*, т. е. заимствование, имела форму, с одной стороны, научного (академического) изучения правового наследия древних римлян, с другой – практического внедрения институтов частного права в сферу имущественно-вещных и имущественно-обязательственных правоотношений (с разной степенью их модернизации). На языке современных юридических дисциплин римское частное право можно определить как гражданское (частное) и торговое (коммерческое) право, а также гражданский процесс. Проанализируем составные части данного определения и попытаемся объяснить происхождение понятий этой юридической дефиниции с учетом тех политических и социальных реалий, в которых они сформировались. Уточним, что римское частное право в качестве учебной дисциплины имеет то содержание и ту форму, которые оно приобрело в первые века нашей эры (*классическое* римское право) и которые затем были зафиксированы в кодификации Юстиниана (VI в. н. э.), названной впоследствии *Corpus iuris civilis*, т. е. свод гражданского права.

В современном понимании слово «гражданин» означает политического субъекта, рассматриваемого правом в его связи и зависимости от государственных, политических институтов. Однако в курсе римского права речь идет о человеке с его частными интересами, т. е. субъекте внутреннего права древнеримской республиканской общины – *civitas*. Полноправные члены этой общины назывались по-латински *cives*, т. е. граждане. Они и «установили общим соглашением» собственное право – *ius civile* (Дигесты, I, 3, 40). Благодаря рецепции название «гражданское право» вошло в современную юридическую лексику – гражданское право, цивилистика. Социальный контекст бытования лексико-концептов «граждане» и «народ» в республиканской общине-государстве предполагает их восприятие и как политическую, и как этносоциальную общность, противопоставленную чужакам-варварам. Однако в плане внутренней организации *civitas* главным было отсутствие четкого разделения общественной и политической сфер ее жизнедеятельности (характерная черта всех ранних государств). Это была особая модель общественной организации, шкала ценностей которой предусматривала, по словам С. Л. Утченко, «непосредственные и “неотчужденные” связи в системе “община – гражданин”, т. е. *связи соучастия*» каждого гражданина в жизни родной общины [2, с. 229]. Сами граждане управляли своей *цивитас*, поочередно избираясь в магистратские коллегии, они же были судьями и военачальниками,

наконец, собрание всего гражданского коллектива принимало отчеты у бывших магистратов. Это обстоятельство и позволяет антиковедам говорить о том, что политика в римской республиканской *civitas* не была еще выделенной, т. е. профессиональной, сферой ее жизни. Названными обстоятельствами мы объясняем содержание лексико-концептов «гражданин» и «народ» применительно к эпохе расцвета античных государств полисного типа во второй половине I тыс. до н. э.

Исследователи отмечают и уникальный менталитет древних римлян, достигших значительных успехов в области государственного строительства и юриспруденции. В современной теоретико-правовой науке о государстве понятие «государственность» используется для характеристики публично-властного способа организации общества с учетом форм его стратификации. Стадию же формирования стратифицированного общества отличает процесс упорядочивания социальных отношений путем подчинения их определенным правилам и стандартам. Право как система общеобязательных, формально определенных юридических норм отражает интересы, волю определенных социальных субъектов или большинства людей конкретного общества, оно направлено на регулирование общественных отношений [3, с. 8–9]. Романисты отмечают, что именно в процессе выработки правовых форм общения в Древнем Риме и произошло формирование свободного и автономного индивида – и субъекта внутреннего права *civitas*, и адресата его норм. Суть понятия «гражданин» в том и состоит, что впервые в истории общества утвердилось представление об определенных правах человека. «Обладание же правами и есть то, – пишет С. Л. Утченко, – что делает гражданина гражданином и что отличает коллектив граждан от других, более ранних форм общегития» [2, с. 30]. Такое же понимание данной категории существует и в современной науке: «Участие индивида в различных отношениях (имущественных, трудовых, экологических, процессуальных) выражается в основных правах и обязанностях человека и гражданина, которые закрепляются в актах высшей юридической силы» [4, с. 56]. Необходимость права как главного регулятора общественной жизни зафиксирована в латинской пословице *Ubi societas, ibi ius* (Там, где есть общество (общественная жизнь), там есть право). Нормативная природа социального общения покоится, по утверждению римских юристов, на предписаниях естественного права (*ius naturale*, у Цицерона – *ratio naturale*), Божественных заповедей (*fas, ius divinum*) и человеческих законов (*ius humanum*). Именно правовой фактор Цицерон (I в. до н. э.) положил в основу определения гражданской общины: те, кто связан между собой общими правами и законами, представляют единую общину – *civitas* (О пределах блага и зла, XXIII, 66) [5]. Идея «общего блага», «общей пользы» (*commune bonum*) лежит в основе основополагающего принципа права – принципа *целесо-*

образности и необходимости следования его предписаниям (Дигесты, I, 3, 40). «Общее благо» членов цивитас воплотилось в их равенстве перед законом (политическом равенстве), материальной независимости (каждый гражданин владел земельным наделом) и в справедливом правосудии, воздающем каждому свое право, т. е. по его заслугам (*suum cuique tribuens*) (Дигесты, I, 1, 10). Приоритет общей пользы коллектива, ее совпадение с пользой каждого гражданина были обусловлены тем, что вне гражданской общины была невозможна и жизнь гражданина. Признаком самоидентификации полноправного человека эпохи античности выступала не национальность, а принадлежность к сообществу «своих», т. е. к общинному сообществу.

Терминология права и правовой деятельности восходит к юридической практике, сложившейся в древнеримском государстве. Понятие *ius* римские юристы возводят к слову *iustitia* – буквально: «осуществлять справедливость», в переносном смысле – правосудие (Дигесты, I, 1, 1). Действительно, уже в Законах XII таблиц (сер. V в. до н. э.) говорится о существовании в раннем Риме организованного публичного разбирательства по делам граждан. Процесс состоял тогда из ритуально-обрядовых действий, сопровождавшихся произнесением (*dicere*) строго фиксированных формул правового содержания (*ius, iuris*), подкрепленных священными клятвами (*sacramentum*). Отсюда и берут начало слова *iudicium* (суд), *iudex* (судья), *iudicare* (судить), *iurisdictio* (относительно процессуальных действий это слово означает «говорить то, что является правом» в значении «вершить правосудие»). Содержание такого публичного акта сводилось к тому, что произносящий священную клятву брал на себя обязательство придерживаться предписанных богами, заветами предков и писаными законами правил. Е. М. Штаерман подчеркивает то исключительное значение, которое придавалось в древнем обществе присяге (*ius iurandum*) и обычаям (*consuetudo*), объясняя это явление «свойством общинных отношений», традиции и установки которых, сохранялись и «во все позднейшие времена» [6, с. 211]. Нарушивший священную клятву мог быть безнаказанно убит в соответствии с нормой *sacer esto* – «да будет принесен в жертву подземным богам» (Законы XII таблиц, VIII, 21). В этом плане принудительная присяга заменяла собой в соответствии с римскими обычаями судебное решение. Нарушение клятвы расценивалось как нарушение того, что было «обещано в присутствии людей и богов» (Цицерон. О законах, II, 22; Об обязанностях, III, 111) [7, с. 63–71].

Неразвитость госаппарата и отсутствие четко разработанной системы юридических санкций были еще одной причиной сохранения в системе судопроизводства царской (VIII–VI вв. до н. э.) и раннереспубликанской (конец VI–IV вв. до н. э.) эпох ряда архаических черт [8, с. 25–35]. В частности,

обеспечение явки ответчика в суд и исполнение приговора (*sententia, opinio*) были частным делом, частными были ведение обвинения и защиты. Приватного защитника, выступавшего в роли поручителя за неоплатного должника, именовали *виндексом* (от слов *vim dicere* – буквально «утверждать право силой»). Небесным покровителем граждан, из которых формировалось в республиканском Риме ополчение, выступал бог войны Марс, имевший эпитет *Квири́н*, откуда произошло почетное название римлян – *кви́риты*. И это слово связано с понятиями силы и воинственности: *vir* – муж, воин, *virtus* – мужество, храбрость (др.-греч. *arete*, др.-русск. *виря*). Выражение *ex iure Quiritium* в речевом обиходе римлян означало «на законном основании», «по справедливости». Оружие римских воинов – копье – стало символом их частной собственности (*patrimonium, dominium*), поэтому отчуждение фамильного имущества образно называлось «продажей под копьём», а один из наиболее древних исков римского права получил наименование *виндикационного иска (actio rei vindicatio)*. На эти и другие особенности процесса формализации права обратил внимание А. И. Немировский. Свойственный римскому праву консерватизм, говорит ученый, «позволяет за правовыми институтами разглядеть индивида, обладающего стойкой национальной памятью и связанного по рукам и ногам пережитками национальной религии» [9, с. 48]. Исторически более оправданно, считает исследователь, передавать латинское слово *ius* древнерусским «*правеж*», что подтверждается рядом статей Законов XII таблиц. Например, согласно первой таблице этого кодекса, истцу предоставляется право «хватать рукой» (*manu capere*) обвиняемого, чтобы силой доставить его на суд. Отметим, что такое физическое действие фигурирует в источниках, относящихся к архаической эпохе, в качестве юридического термина. К этой же «правежной», а не правовой сфере семантически принадлежат выражения *patria manus mancipium* – суверенная власть отца семейства (*pater familias*), имевшего исключительное право на принадлежащие семье ресурсы, а также право жизни и смерти (*potestas vitae necisque*) в отношении своих подвластных; *mancipatio* – приобретение собственности по праву «сильной руки»; *emancipatio* – освобождение взрослого сына от власти (дословно «из-под руки») домовладыки-патера. Со времени архаики конструкция *in mancipio* стала обозначать положение зависимости – от ограничения свободы и правоспособности до полной несвободы. Эти примеры показывают, что исторический подход к римскому праву должен включать этимологию его терминов, сохраняющую, заключает А. И. Немировский, «первоначальную суть римского права как психологию и инструмент насилия над личностью» [9, с. 48].

Сохранившиеся в источниках сведения о древнейшем этапе развития римского *архаического* права, а также научные исследования ученых-антикове-

дов позволяют сделать следующие обобщения. С позиций общественного развития царского и раннереспубликанского Рима право формирующегося государства зафиксировало многолинейную стратификацию с учетом происхождения (сословной принадлежности), имущественных и территориальных различий римских граждан. Это были, во-первых, введенные реформой Сервия Туллия цензовые разряды (*ordines*); во-вторых, сословия патрициев и плебеев; в-третьих, зажиточные патроны и зависимые от них клиенты; в-четвертых, свободные и рабы. В сфере частного права бессистемный набор мононом первобытного общества сменила классификация права по принципу разделения на субъектов и объекты правоотношений. Более того, право получило письменное оформление с применением деревянных планок (*tabellae*). В праве *объектов* (вещи) возникают административные, имущественные, договорные и уголовные нормы. Причем наиболее суровыми становятся санкции по защите частного имущества граждан: для вора и несостоятельного должника предусматриваются смертная казнь и кабальное рабство. В праве *субъектов* (лица) стали различаться помимо групповых и межгрупповых индивидуальные правоотношения. В частности, глубоко укорененные в римском обществе (причем на всех этапах его истории) патрон-клиентские связи основывались на принципе *fides*. Сакральный институт клиентелы и межличностные отношения типа *fides*, т. е. верности взятым на себя обязательствам, современные ученые относят к наиболее древним установлениям [10, с. 152–161]. Формируется и система публичного права, включившая «служение жрецов, святыни и положение магистратов» (*Publicum ius in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*. – Дигесты. I, 1, 2). Представители самой авторитетной жреческой коллегии, понтифики, играли ведущую роль в области публичного и частного права: они разрабатывали теоретические вопросы, создавали формулы гражданских исков, отправляли правосудие и коллегиально давали консультации. В такой многофункциональной деятельности понтификов, охватывавшей всю нормативную систему римского общества архаической эпохи, вполне различимы стороны, относящиеся именно к частному праву. Это является, по мнению Д. В. Дождева, подтверждением того, что религия не совпадала с правом, поскольку «многомерность социальных регуляторов соответствует многомерности социального бытия» [8, с. 27]. Другой российский исследователь, Л. Л. Кофанов, скрупулезно проанализировав царские законы VIII–VI вв. до н. э., делает такой же вывод: сакральная форма этих законов имела правовое содержание [11, с. 70].

В эпоху средней (середина IV–III вв. до н. э.) и поздней (II–I вв. до н. э.) республики возникает обновленное *ius civile*, вырабатываются новые формы правотворческой и правоприменительной деятельности. Формируется корпус частных исков, утверждается двухступенчатый суд по гражданским делам (*ordo*

iudiciorum privatorum), появляются и внесудебные способы защиты интересов граждан [7, с. 35–49]. В частности, в соответствии с правом *провокации* осужденный мог апеллировать к народному собранию с просьбой об отмене или смягчении приговора (*provocatio ad populum* – Цицерон, О государстве, II, 53–54). Все это свидетельствует о том, что в праве на первый план выступает регулятивная функция – функция согласования, координации и защиты прав и интересов римских граждан. Однако *ius civile* сохраняло свою корпоративность (его субъектами были только члены *civitas*), формализм и строгое следование букве закона (*stricti iuris*). Усиление государственности принимает форму институционализации отдельных ветвей власти: учреждаются специализированные магистратские коллегии, комплектовавшиеся на основе выборности и коллегиальности (консулы, преторы, квесторы, эдилы, народные трибуны, цензоры). Возникновение в середине IV в. до н. э. *преторы* (члены этой коллегии были наделены правом юрисдикции) означало, что суд оформился как самостоятельный властный институт. В итоге все функции управления *цивитас* сосредоточились в руках выборных магистратов, полномочия которых нашли отражение в соответствующей политико-правовой терминологии: *imperium, potestas, iurisdictio, auctoritas* [12, с. 8–27]. При этом принцип разделения власти, которому придается большое значение в современных конституциях, не был проведен в *цивитас* до конца, о чем свидетельствует понятие *imperium*, означавшее высшую и неделимую власть римских магистратов со статусом *maiores*. Образование же государственных институтов было невозможно, по мнению самих древних, без определенного «согласия в вопросах права (*iuris consensu*) и общности интересов» (Цицерон, О государстве, I, 39).

Главными источниками права становятся преторские эдикты и комические законы. Начинается интенсивная правотворческая деятельность республиканских юристов (*iuris prudentes*), занимавшихся и научной разработкой вопросов права, и консультационной работой (она приобрела форму *interpretatio*, т. е. толкования обычаев и законов), и судебной практикой (юристы выступали в роли частных защитников и обвинителей в процессе). Многие юристы по-прежнему были понтификами, которые в предшествующие столетия руководили, как было отмечено, всей юридической практикой формирующейся *цивитас*. Однако постепенно светское *ius* вытесняет из юридической области сакральное *fas*, что является показателем трансформации общественно-правового сознания древнеримского социума. Тем не менее служители языческого культа (*sacerdotii*), объединенные в жреческие коллегии, выполняли в Римской республике помимо сакральных и общественных обязанности, так как «служение богам и Риму совпадали» [13, с. 94]. *Фециалы* занимались

вопросами внешней политики, *понтифики* заведовали календарем, *авгуры* и *гаруспики* проводили публичные гадания – *дивинации*. Об отношении интеллектуальной элиты Рима к деятельности жрецов говорит высказывание Цицерона: божественное право (*ius divinae*) имеет приоритет над человеческим правом (*ius humani*), поскольку нередко законы людей не отвечают принципам справедливости. Неписанный, т. е. естественный, закон, по мнению этого мыслителя, есть одновременно и высший разум, и справедливость, он служит связующей нитью между людьми и богами. Только руководствуясь рациональными законами, люди способны отличать право от бесправия (*iniuria*), честное от позорного, доброе от злого (Об обязанностях, III, 23). Здесь речь идет, по сути, о нормативной основе римского права, которое на протяжении всего периода своего развития оставалось сочетанием писаных и неписаных норм, что закреплено в юридической конструкции *lex mosque*, т. е. закон и обычаи. Заветы (обычаи) предков (*mores maiorum*) представляли собой своеобразный моральный кодекс, набор жизненных установок и ценностей, на основе которых были выработаны модели правильного поведения идеального гражданина в частной и общественной жизни. В основе механизма действия идущих от предков заветов и обычаев находились коллективистские общинные психология и мораль, проявлявшиеся в оценках и мнениях всего сообщества (добро, зло, стыд, совесть, справедливость и т. п.).

В конце среднереспубликанского периода межсословные противоречия были окончательно урегулированы: плебеев уравнили в гражданских и политических правах с патрициями, оформляется общий правовой статус римского гражданина, наделенного суммой прав и обязанностей в сфере публичного и частного права. Несомненным прогрессом было то, что фактор происхождения (в римских реалиях – фактор знатности, родовитости) новым *ius civile* не учитывался. Одним из важнейших правомочий римского гражданина в частноправовой сфере являлось *ius commercii*, включавшее в себя, во-первых, право быть собственником любого имущества и совершать с ним гражданско-правовые сделки; во-вторых, право завещать семейное имущество (*ius testamenti activa*) и быть наследником по завещанию (*ius testamenti passiva*); в-третьих, право вести споры по защите имущественных прав в суде [14, с. 48]. Территориальный рост римского государства, превращение Рима в центр международной торговли потребовали создания гибких, свободных от формализма *ius civile*, способов регулирования деловых и торговых связей с *перегринами* (собирательное обозначение свободного населения подвластных Риму областей и государств). Достигнуто это было несколькими путями: созданием самостоятельных отраслей частноправовой системы, предоставлением перегринам *ius commercii* и учреждением в Риме особой судебной инстанции. Вопрос урегулирования имущественных тяжб

между peregrini, а также между peregrini и римскими гражданами был решен введением в середине III в. до н. э. специальной магистратуры – претора по делам peregrini. Городской претор по делам граждан и претор peregrini и стали творцами новых отраслей римского частного права – *ius honorarium* («магистратское право») и *ius gentium* («право народов»).

Главным достижением магистратского (по-иному – преторского) права стала разработка корпуса частных исков, связанных с защитой личных и имущественных прав римских граждан (Дигесты, I, 1, 11). Одно из значений понятия *ius* – право лица (*persona*), субъекта *ius civile*, утверждать свои права и интересы методом правового регулирования (*facultas, potestas*). Целью данного субъективного права было, с одной стороны, внедрение принципа нормативности социального поведения на индивидуальном уровне, с другой – ограничение произвола со стороны участников того или иного правоотношения. Особенность римского права в том, что субъективное право в его нарушенном состоянии не порождало права на защиту – частный интерес становился правом только при наличии в арсенале судебного магистрата соответствующего притязанию потерпевшего иска. Такой формальный подход и лежит в основе одного из главных принципов римского права – от иска к праву. В итоге типовые иски, переходившие из эдикта одного магистрата в эдикт другого, приобретали со временем характер нормы права. Не обладая правом законодательной инициативы (*rogare legis*), судебные магистраты *de facto* создавали новые институты в сфере частного права. В содержательном плане иск (*actio*) был материально-правовой категорией, т. е. это был институт и материального (субстанционального), и процессуального права: каждый конкретный иск, заявленный истцом в суде, косвенно указывал и на его материальное притязание, выявлявшееся в ходе рассмотрения дела. Незрывность материального (субстанционального) содержания права и его судебно-процессуального обеспечения наложила отпечаток на все институты римского частного права – они так и не обрели полной самостоятельности. Тем не менее именно в юридической теории и практике древних римлян были выработаны точно определенные и установленные (в Дигестах – *ius constitutum*) формы правовых требований как в отношении имущества (*actio in rem*), так и юридически значимых действий (*actio in personam*). Что касается возникшего в практике peregrinского претора права народов, то главным его достижением была выработка системы частных контрактов, ставших неотъемлемой частью современной цивилистики [15]. Утвержденный этим правом принцип «добра и справедливости» (*boni et aequi*) основывался на доверии (*fides*), на выявлении подлинной воли (истинных намерений) сторон при заключении любой сделки. Такое осмысление оппозиции *stricti iuris* – *ex bono et aequi* отражало глубокие перемены в социальной жизни Рима Поздней республики: эти принципы

превращаются в нормативную основу общественных отношений данного времени. Со временем право народов приобрело универсальный характер в том смысле, что его нормы применялись ко всем участникам международного торгового оборота. Универсальное право народов, «предназначенное для всего человечества» (Дигесты, I, 1, 9), включало в себя и нормы межгосударственных отношений. Однако выражение «международное право» в юридической лексике римлян отсутствует, его заменяло словосочетание *fides publica* (буквально «общественная нравственность», в переносном смысле – «государственная (в оригинале – публичная) безопасность»). Принцип *fides* как нравственный долг всех людей выполнять взятые на себя обязательства стал основополагающим принципом и внешней политики Римского государства.

Таким образом, многие сакрально-правовые установления, в том числе клятва (*ius iurandum*) и доверие (*fides*), были в предклассический период действенным инструментом регулирования как частных, так и государственных отношений. У Цицерона имеется обоснование связи священной клятвы с юстицией и *fides*: «Основой же юстиции является верность, т. е. истинность и неизблемость (*constantia et veritas*) слов и договоров» (Об обязанностях, I, 7, 23). Именно в рамках сакральных норм и институтов произошло становление римского частного права. Римские юристы определяют *ius civile* и как совокупность норм действующего права, и как науку права, представляющую собой систему знаний, ориентированную на выявление и установление соответствия юридических норм требованиям добра и справедливости. «В течение многих столетий римские юристы разрабатывали и совершенствовали право, – отмечает М. Е. Штаерман, – приспособляя его к реальным потребностям жизни, хотя и не создали стройной теории права, основываясь не столько на неких абстракциях, сколько на действительно существовавших отношениях и их эволюции» [6, с. 210]. В целом в римском праве архаического и предклассического периодов произошло разграничение публичных норм, связанных с институционализацией власти и ее судебных функций, и норм, регулировавших частнопроводную сферу. Наряду с институтами *ius civile* в предклассическом праве возникла система преторских исков, посредством которых защищались отношения, не предусмотренные нормами прежнего «строгого права».

Библиографические ссылки

1. Памятники Римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997.
2. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. III–I вв. до н. э. М. : Наука, 1977.

3. *Працко Г. С., Шпак А. В., Шпак В. Ю.* Введение в политическое право : учеб. пособие / под ред. проф. П. П. Баранова. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008.
4. *Струсь К. А., Антонова Е. В.* К вопросу о концепции гражданского общества // Право и государство. 2014. № 8. С. 54–59.
5. *Цицерон Марк Туллий.* Диалоги о государстве – о законах. М. : Наука, 1994 ; *Его же.* Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972 ; *Его же.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Наука, 1975 ; *Его же.* О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М. : РГГУ, 2000.
6. *Штаерман Е. М.* Римское право // Культура Древнего Рима : в 2 т. М. : Наука, 1985. Т. 1. С. 210–247.
7. *Кофанов Л. Л.* Юридикто-религиозный характер римской *fides* в V–III вв. до н. э. // Древнее право (*Jus antiquum*). 2002. № 2 (10). С. 63–71.
8. *Дождев Д. В.* Римское частное право : учебник. 3-е изд. М. : Норма, 2011.
9. *Немировский А. И.* История Древнего мира. Античность : учебник : в 2 ч. М. : Владос, 2000. Ч. 2.
10. *Маяк И. Л.* Рим первых царей (Генезис римского полиса). М. : МГУ, 1983.
11. *Кофанов Л. Л.* Сакральное право и эволюция так называемых «царских законов» в VIII–VI вв. до н. э. // Вестник древней истории. 2006. № 1. С. 48–70.
12. *Маяк И. Л.* Понятия власти и собственности в сочинении Авла Геллия // Древнее право (*Jus antiquum*). 1998. № 1(3). С. 8–27.
13. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М. : Наука, 1987.
14. *Колбасин Д. А., Лобатенко Е. В.* Римское частное право : учеб. пособие для вузов. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2012.
15. *Ермолович В. И.* Консенсуальные контракты в римском частном праве // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2014. Вып. 25. С. 111–131.

Статья поступила в редакцию 19.06.2015